

Мис. Россия, 1980, 29 февр.

ПУТЕШЕСТВИЕ В МИР ОСТРОВСКОГО

«Его прозрачная, незамутненная ясность обманчива. Его про- стога кажется всем доступной и малоглубокой, но стоит при- коснуться к ней поближе, чтобы увидеть, как трудно вымерить или исчерпать ее...»

Так писал Владимир Лакшин в прологе к своей книге об Алек- сандра Николаевича Островском, увидевшей свет несколько лет назад. Биограф попытался в ней максимально приблизить к нам судьбу великого драматурга — и творческую, и, что неизмери- мо труднее, человеческую, ибо Островский, столь выдающаяся и обозреваемая фигура в нашей литературе, как личность малоиз- вестен, малоизвестен — жил ровно и как бы «неприметно». Книга эта была издана пятидесятилетним тиражом. А недавно Лакшин по- лучил возможность продолжить разговор об Островском, челове- ке и драматурге, тиражом уже явственно большим — телевизи- онным.

Я говорю о «двухактной» пере- даче «Жизнь А. Н. Островского» (режиссер Ольга Кознова), пока- занной сначала по третьей, учеб- ной, а недавно по первой и вто- рой программам ТВ. Автор сце- нария и ведущий этой передачи — Владимир Яковлевич Лакшин.

Определение ее как «двухакт- ной» напрашивается невольно и явно, и продиктовано это не столько тем, что «герой» пере- дачи — драматург, а главным образом самую ее художествен- ностью. Перед нами передача- спектакль, если можно так выра- зиться, хотя данная характери- стика не претендует на исчерпы- вающее определение жанра.

А. Н. ОСТРОВСКИЙ.

(Государственный центральный театральный музей имени А. А. Бахрушина)

Говоря об Островском, Лакшин не поднимается на котурны хре- стоматийности, которые отно- дят к возвышают дорогой образ, — и грустных примеров тому мно- жество, и не только в школьных учебниках.

Содержание подобных передач определено: жизнь и творче- ство. Но беда их порой в том и состоит, что этот самый союз «и» становится не соединитель- ным, а как бы разделительным: вот о жизни, вот о творчестве, вот снова о жизни... Когда же собеседником нашим становится Лакшин, подобного механистиче- ского разъединения, разъятия не происходит, а союз «и» и вовсе пропадает, растворяется за не- надобностью: рассказ идет о

единой — творческой и челове- ческой судьбе.

Передать то, как рассказывает Лакшин, трудно: слишком много эпитетов перебрать пришлось бы, и все — ко двору. Но, пожалуй, одно определение наиболее вер- но — он рассказывает поэтиче- ски. (Если существует жанр «по- этического литературоведения», то — вот он.) И почти постоян- но присутствие Лакшина на экране в течение передачи нам уже необходимо, потому что сам облик его, увлеченного до стра- сти, привлекает нас и заставляет глубже сопереживать, сочувство- вать рассказу. Иногда он уходит за кадр, словно бы из деликат- ного желания не мешать нам, на- пример, плутать задумчивым За- москворечьем, но голос его все равно будет сопровождать нас в этой прогулке, помогая увидеть путаницу старомосковских уло- чек и переулочков глазами само- го «Колумба Замоскворечья» — Александра Николаевича Остров- ского. Лакшин приведет нас и под сень дубов и лип бывшего погодинского сада, куда прихо- дил молодой, безвестный еще Островский, — того сада, где Гоголь в день своих именин раз- вешивал замаскированные листо- вые клетки с соловьями, чтобы порадовать гостей неожиданным их пением... Выведет нас Лакшин и на крутой волжский берег, гля- дя с которого в простор, невольно спросишь, «отчего люди не летают»... Он проведет нас и по усадьбе Островского в Щелыко- ве, проведет, словно хозяин, приглашая присесть то в гости- ной, то на террасе, то в кабинете, и каждый уголок дома станет нам дорог и одушевлен незри- мым присутствием самого Алек-

сандра Николаевича и симпатич- ных ему друзей-актеров... Попробу- ем мы и дивными окрестно- стями Щелыкова, этой «жостром- ской Швейцарии», волшебными «берендеевскими» лесами; вый- дем на Ярилин долину, у кро- мки которой заглянем в ясный ключ — в нем, говорят, растая- ла Снегурочка... И будет идти, нас сопровождающая, серьезный, по- рой грустный, а порой улыби- вый рассказ об Островском.

Лакшин при этом отнюдь не пытается «вымерить или исчер- пать» Островского, для него глав- ное — помочь нам человечески ощутить великого драматурга, за- глянуть в его жизнь. В этом по- могут нам и беседы Лакшина с известными мастерами Малого театра П. Садовским и Н. Рыжовым, принадлежащим к актерским династиям, славные представи- тели которых были друзьями и единомышленниками Островско- го.

Своеобразными иллюстрация- ми к разговору о драматурге по- служили в передаче отрывки из его произведений — «Женить- бы Бальзаминова», «Банкрота» («Свои люди — сочтемся»), «Та- лантов и поклонников» (исполни- тели здесь были В. Обухова, Г. Демина, В. Бочкарев, Е. Лазарев и Н. Гундарева, В. Талызина и В. Шурупов). Но «иллюстрации» эти отчасти как-то выпадали из общего тона разговора, и скольз- нула даже такая «еретическая» мысль: а может быть, и не нуж- но их здесь вообще? Хотя, ко- нечно, как говорить о драматур- ге, не вкусив при этом живой прелести его театра... Думаю, «виновником» подобного сомне- ния явился сам Лакшин, в иск- ренней своей самоотдаче «пере- игравший не играя» профессио- нальных актеров, да не в упрек, а в нарек им это будет сказано.

Лакшин выступил в этой пере- даче как ведущий — как добрый проводник, ведущий нас по жиз- ни Александра Николаевича Островского, и счастлив был зри- тель, попавший ему в попутчики в этом двухчасовом путешествии.

Алексей ЕРОХИН